

Мышцын В. Н. Из периодической печати: Депутаты епархиальных съездов как выборные от духовенства. Случай неправильного взимания гербового сбора. <...> // Богословский вестник 1900. Т. 1. № 3. С. 589–605 (3-я пагин.). (Продолжение.)

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Депутаты епархіальныхъ сѣздовъ, какъ выборные отъ духовенства.— Случай неправильнаго взиманія гербового сбора.— Къ вопросу о положеніи учениковъ, уволенныхъ изъ дух. училищъ.— Къ реформѣ средней школы.

Депутаты епархіальныхъ сѣздовъ, какъ выборные отъ духовенства. На журналахъ прошлагодняго сѣзда духовенства одной изъ епархіи мѣстнымъ преосвященнымъ, теперь уже покойнымъ, была положена слѣдующая резолюція:

Будущій (т. е. въ 1900 г.) сѣздъ составить изъ депутатовъ— благочинныхъ, какъ болѣе компетентныхъ въ сужденіяхъ и знающихъ состояніе вѣранныхъ имъ церквей, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ невозможности прибытія на сѣздъ по уважительнымъ причинамъ присылали своихъ помощниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что преосвященнымъ въ данномъ случаѣ руководило желаніе воспользоваться для сѣзда относительною опытностью благочинныхъ. Мы не знаемъ, насколько болѣе сравнительно съ прочими священниками опытности благочинныхъ соотвѣтствуетъ компетентность ихъ сужденій, но то не подлежитъ сомнѣнію, что для того, чтобы быть „депутатомъ“ или „уполномоченнымъ“ отъ духовенства, необходимо пользоваться довѣріемъ послѣдняго, необходимо, чтобы опытность депутата и цѣлесообразное употребленіе ея были признаны самимъ духовенствомъ свободно и непринужденно. Если извѣстные благочинные пользуются полнымъ довѣріемъ со стороны духовенства, то вышеуказанная резолюція излшняя; если же нѣтъ ¹⁾, то она яв-

¹⁾ Мы знаемъ, что въ епархіи, о которой у насъ рѣчь, бывали заблужденныя многіе благочинныя.

ляется нарушеніемъ права духовенства свободно избирать депутатовъ—права, предоставленнаго ему многими опредѣленіями Св. Синода. По уставу дух. семина. (§ 92) и дух. учил. (§ 22 п. 3) члены семинарскаго и училищнаго правленія изъ священнослужителей избираются самимъ *духовенствомъ*. Попеченію мѣстнаго *духовенства* ввѣряются духовныя училища, содержащіяся при пособіяхъ изъ суммъ Св. Синода на средства, изыскиваемыя духовенствомъ каждой епархіи (уст. дух. учил. § 2—3). *Духовенству* предоставляется право открывать сверхштатные параллельные классы въ семинаріи на мѣстные средства (уст. дух. сем. § 9), устроить свѣчныя заводы на общія церковныя средства (§ 93 п. 27), открывать женскія духовныя училища, учреждать эмеритальныя кассы и т. д. Вслѣдствіе невозможности обсужденія всѣхъ этихъ вопросовъ мѣстнымъ духовенствомъ во всемъ его составѣ, оно даетъ отъ себя полномочія на рѣшеніе подлежащихъ ему вопросовъ своимъ выборнымъ, составляющимъ епархіальные и окружныя—училищныя сѣзды. Итакъ по самому существу своему депутатъ есть лицо, избранное самимъ *духовенствомъ*. Избраніе же депутатовъ сѣзда не духовенствомъ равно лишенію духовенства правъ на рѣшеніе вышеозначенныхъ вопросовъ и передачѣ этихъ правъ отдѣльнымъ лицамъ. Вотъ почему Св. Синодъ, предоставляя мѣстнымъ преосвященнымъ право опредѣлять число депутатовъ и *способы ихъ избранія* (уст. дух. сем. § 93 и учил. § 19), самое избраніе „выборныхъ“ или „уполномоченныхъ отъ духовенства“ предоставляетъ духовенству. По опредѣленію Св. Синода ^{13/20} дек. 1867 г. депутаты епархіальныхъ и окружныхъ училищныхъ сѣздовъ назначаются по выбору духовенства, а отнюдь не по распоряженію консисторіи и благочинныхъ, а по опред. Св. Синода ^{17 ноября}/_{19 декабря} 1869 г. не епархіальнымъ начальствомъ и не благочинными. По опред. Св. Синода ^{31 мая}/_{5 июля} 1872 г. избранные духовенствомъ депутаты могутъ быть устраняемы епархіальною властью только при существованіи законныхъ къ тому причинъ.

Заботясь о томъ, чтобы мнѣнія сѣздовъ служили выраженіемъ *желанія духовенства* (уст. дух. сем. § 93 п. 1), Св. Синодъ старается въ тоже время устранить условія, препятствующія свободному и искреннему выраженію этого желанія. Опредѣленіемъ 23 сентября 1875 года Св. Синодъ ут-

вердиль заключеніе Учебнаго Комитета, между прочимъ гласившее:

Усматривая, что на нѣкоторыхъ общепархіальныхъ и окружныхъ училищныхъ сѣздахъ нерѣдко избирались и нынѣ избираются какъ въ депутаты, такъ и въ предсѣдатели сѣздовъ лица, состоящія въ тоже время членами Консисторіи, которые своимъ положеніемъ и вліяніемъ не могутъ иногда не стѣснять подчиненное имъ, въ отношеніи Епархіальнаго Управленія, духовенство въ свободномъ выраженіи мнѣній онаго по дѣламъ училищнымъ, что подтверждалось и на опытѣ,—учебный комитетъ находилъ бы полезнымъ въ соотвѣтствіи съ постановленіями Св. Синода (13 мая — 5 іюля 1872 г. и 20 авг. 1870 г.) изъяснить, чтобы члены духовныхъ консисторій не были избираемы не только въ предсѣдатели, но и въ депутаты сѣздовъ духовенства по училищнымъ дѣламъ.

Но помимо этихъ юридическихъ соображеній, интересы самого дѣла побуждаютъ не только не тормозить и не ограничивать института епархіальныхъ и окружныхъ сѣздовъ духовенства, но насколько возможно, поддерживать и развивать его. Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ сѣзды духовенства оказали громадную услугу развитію епархіальной жизни, особенно въ дѣлѣ духовнаго образованія и экономическаго быта духовенства. Отнятіе у духовенства права свободного избранія уполномоченныхъ, назначенныхъ между прочимъ для наблюденія и ревизіи хозяйственной стороны епархіальныхъ учрежденій, существующихъ на мѣстныхъ средства церкви и самого духовенства, неминуемо должно породить недовѣріе къ невыборнымъ депутатамъ, затѣмъ несочувствіе къ ихъ постановленіямъ, особенно тѣмъ, которыя будутъ касаться обязательнаго обложенія церквей и причтовъ, и которыя при выборныхъ депутатахъ принимаются безропотно, и въ концѣ концовъ непремѣнно—упадокъ епархіальной жизни.

Случай неправильнаго взиманія гербового сбора. По поводу циркулярнаго разъясненія Св. Синода о томъ, что метрическія выписи и различныя удостовѣренія и справки о личности, выдаваемые причтами по просьбѣ частныхъ лицъ для представленія въ низшія народныя училища и школы, оплатъ гербовымъ сборомъ не подлежатъ (Церк. Вѣд. № 2), намъ

припоминается еще случаи неправильнаго взиманія гербового сбора. Какъ видно изъ отчета кншин. эмеритальной кассы, правленіе ея требуетъ, чтобы представляемыя ему прошенія о назначеніи пенсіи оплачивались гербовымъ сборомъ (Кнш. Еп. Вѣд. 1899, 24). Подобнымъ образомъ правленіе Рязанской Эмеритальной кассы сочло нужнымъ предложить прошлогоднему съѣзду депутатовъ духовенства обложить гербовымъ 80-копѣчнымъ сборомъ прошенія о назначеніи пенсіи изъ эмеритуры, на что съѣздъ далъ свое согласіе (Ряз. Еп. Вѣд. 1900, 2). То и другое правленіе мотивируетъ свое требованіе ст. 147 устава о пенсіяхъ и ст. 8 и 67 устава о гербовомъ сборѣ. Однако въ указанныхъ статьяхъ закона рѣчь идетъ о пенсіи, получаемой отъ правительства. По вопросу же о томъ, подлежатъ ли оплатѣ гербовымъ сборомъ бумаги, поступающія въ епарх. Эмеритальныя кассы и благотворительныя учрежденія, именно прошенія о назначеніи пенсіи или пособія и разныя увѣдомленія, департаментъ неокладныхъ сборовъ по соглашеніи съ Госуд. Контролемъ въ 1890 году увѣдомилъ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ, что

такъ какъ учреждаемыя мѣстнымъ духовенствомъ общества взаимнаго вспоможенія суть учрежденія частныя, по пункту же 1-му ст. 6 устава о герб. сборѣ оплатѣ гербовымъ сборомъ подлежатъ лишь прошенія и другія бумаги, подаваемыя въ правительственныя учрежденія, то, засимъ, переписка духовенства съ означенными обществами вспоможенія оплатѣ гербовымъ сборомъ не подлежитъ (Церк. Вѣд. 1890, № 49).

Къ вопросу о положеніи учениковъ, уволенныхъ изъ духовнаго училища. Всякому, кто близко стоитъ къ духовенству, извѣстно, насколько большой вопросъ составляетъ положеніе воспитанниковъ, уволенныхъ изъ дух. училищъ. Всякая мысль, дающая хоть какой-нибудь выходъ для этихъ неудачниковъ, весьма часто мало виновныхъ въ своей неудачѣ, представляетъ поэтому значительный интересъ. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ дѣлимся съ читателемъ соображеніями нѣкоего В. С., высказанными имъ въ Новг. Еп. Вѣд. (№ 3).

Авторъ припоминаетъ, какъ въ прежнее время его товарищи, уволенные изъ училища, шли прямо въ монастырь

и тамъ, посѣщая ежедневно богослуженіе, участвуя въ немъ чтеніемъ и пѣніемъ, прислуживаніемъ въ алтарь, приобрѣтали знаніе церковнаго устава, пріучались къ толковому чтенію, изучали въ совершенствѣ церковное пѣніе гласовое и нотное и выходили вполнѣ приготовленными къ служенію во храмъ въ качествѣ псаломщиковъ. Теперь этого уже нѣтъ. Монастыри отказываютъ въ пріемѣ уволеннымъ воспитанникамъ. Есть монастыри, въ составѣ братіи и послушниковъ которыхъ нѣтъ ни одного лица духовнаго званія; а между тѣмъ каждый изъ нихъ содержитъ по 25—30 послушниковъ для чтенія и пѣнія въ церкви. То и другое могли бы дѣлать и уволенные воспитанники и притомъ несколько не хуже. Свободное отъ службы время,—котораго найдется до 6 часовъ въ каждый будничныи день, считая 6 часовъ на молитву, 4 часа на принятіе пищи и отдыхъ и 8 часовъ сна, и изъ-за котораго сами обитатели монастыря жалуется на свою скуку вслѣдствіе отсутствія въ большинствѣ монастырей библиотекъ, читаленъ, общихъ спѣвокъ, общихъ собраній братіи, руководѣльныхъ и художественныхъ мастерскихъ, — послушники изъ уволенныхъ учениковъ могли бы посвящать учебнымъ занятіямъ по обширной программѣ Закона Божія, по церковному уставу, русской и славянской грамматикѣ, ариѳметикѣ, церковному пѣнію и по ознакомленію съ главнѣйшими методами обученія въ начальной школѣ. Такимъ образомъ у насъ явились бы псаломщики, хорошо подготовленные къ исполненію всѣхъ своихъ обязанностей.

Мысль автора намъ нравится и кажется безъ труда осуществимой. Опасаться за то, что пребываніе въ монастырѣ уволенныхъ воспитанниковъ можетъ вредно отозваться на порядкахъ монастырской жизни, нѣтъ никакихъ основаній. Съ одной стороны уволенные изъ училищъ мальчики 12—14 лѣтъ вовсе не представляютъ собою нравственно испорченныхъ людей, хотя нерѣдко и становятся таковыми, оставленные на произволъ судьбы. Если не большинство, то по крайней мѣрѣ половина изъ нихъ подвергаются увольненію за малоуспѣшность. Во всякомъ случаѣ всѣ средства есть гарантировать монастыри отъ дѣтей, имѣющихъ дѣйствительно дурныя привычки и наклонности. Съ другой стороны неумѣстно слишкомъ идеализировать жизнь нашихъ мона-

стырей. По словамъ преосв. Феодана-затворника, имѣвшаго случай хорошо изучить ее,

въ монастыряхъ.... не все небо... Встрѣчается земля—и очень не добрая. Небо въ монастыряхъ спрятано. Надо умѣть его увидѣть (Душеп. Чт. 1898, ноябрь, стр. 587).

Кто знаетъ, можетъ быть учрежденіе причетническихъ школъ въ монастыряхъ пробудитъ въ нашемъ монашествѣ интересъ и потребность просвѣщенія, которое въ настоящее время пребываетъ въ весьма печальномъ состояніи. Давно уже прошло то время, когда монастыри наши служили образовательными и просвѣтительными центрами. Въ настоящее время они не только не опережаютъ, но несомнѣнно отстали отъ общества; а если дѣло пойдетъ и далѣе такимъ же образомъ, какимъ шло до сихъ поръ, то не далеко то время, когда они отстанутъ и отъ простаго народа. Предвѣстники этого печальнаго будущаго и теперь есть. А будущее это дѣйствительно печально. Оно можетъ грозить потерю у нашего народа уваженія къ монашеству, затѣмъ къ монастырямъ и главное къ тому, что связано съ монастырями, но за монастыри не отвѣчаетъ...

Къ реформѣ средней школы. Едвали какой вопросъ въ такой степени занимаетъ вниманіе образованнаго общества и повременной печати въ настоящее время, какъ возбужденный лѣтомъ прошлаго года министромъ Н. Пр. вопросъ о реформѣ средне-учебныхъ заведеній. Въ виду того, что между свѣтскими и духовными учебными заведеніями есть много общаго въ постановкѣ какъ учебнаго, такъ и воспитательнаго дѣла, для насъ небезынтересно въ этомъ случаѣ прислушаться къ голосу печати.

Какъ извѣстно, министръ Н. Пр., признавая извѣстную долю справедливости въ распространенныхъ жалобахъ на недостатки среднихъ учебныхъ заведеній, именно:

на отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящей сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и ставящей въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ, на невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ... на чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ...

на слабое ознакомленіе съ окружающей природой... на излишнее преобладаніе древнихъ языковъ и т. д.

рѣшилъ составить текущую зиму комиссію изъ представителей двухъ общеобразовательныхъ русскихъ школъ (гимназій и реального училища) и по возможности разнаго направленія—съ цѣлью 1) выяснить недостатки существующаго строя средней школы и указать мѣры къ устраненію ихъ, 2) въ случаѣ неудовлетворительности существующихъ типовъ школъ высказать предположенія о созданіи школъ новаго типа, 3) обсудить мѣры къ улучшенію физическаго воспитанія учащихся, не стѣняясь даже сокращеніемъ учебныхъ часовъ и программъ, если будетъ въ томъ нужда 4) и особенно обсудить средства, содѣйствующія нравственному и религіозному воспитанію учащихся. Какъ и слѣдовало ожидать, первые два вопроса министерскаго циркуляра вызвали между классиками и антиклассиками довольно ожесточенный бой. Послѣдніе только и ждали случая, чтобы обрушиться на деспотическое господство у насъ классическаго образованія. Защита классицизма въ печати и количественно, и качественно оказалась довольно слабою. Въ большинствѣ случаевъ доводы ея или непонятны, или имѣютъ дѣло не съ наличною дѣйствительностью, а съ возможностью. Одни классики думаютъ доказать необходимость изученія древнихъ языковъ тѣмъ соображеніемъ, что во всякой школѣ долженъ господствовать *идеальный духъ*, всякая школа должна направляться къ вѣчнымъ *идеаламъ* челоуѣческой жизни: истинѣ, добру и красотѣ (*Пет. Вѣд. № 2*). Доказавъ это, они почему-то полагають, что доказали и необходимость классическаго образованія. Вотъ это то заключеніе и трудно понять. Мы поняли бы его въ устахъ какого-нибудь Юліана или язычника его времени; но въ устахъ христіанина и челоуѣка современной культуры въ лучшемъ ея смыслѣ этотъ апоѳеозъ классическаго идеала, безмѣрно высокаго по сравненію съ предшествовавшими ему исторически идеалами восточной—ассиро-вавилонской культуры, и столь же низшаго сравнительно съ идеалами христіанства,—совершенно непонятенъ.

Даже ребенокъ засмѣется, когда вы станете его увѣрять, что идеи монархизма, христіанскаго благочестія и смиренномудрія онъ лучше всего можетъ почерпнуть изъ сочиненій языче-

скихъ писателей, воспѣвавшихъ республиканскія доблести и описывавшихъ въ самыхъ ужасныхъ краскахъ звѣрства и возвращеніе владыкъ Рима и Греціи, непрекращавшіеся мятежи и интриги вокругъ ихъ престоловъ и глубочайшее нравственное паденіе окружавшаго ихъ и ими руководимаго общества—или изъ поэтическихъ разсказовъ объ эротическихъ похожденияхъ Венеры, Меркуріевъ и Марсовъ, о Ганнимедахъ, Гебахъ, Пріамахъ и всей безконечной разнообразной божественной порнографіи веселаго Олимпа. Вообще наставлятъ въ принципахъ христіанской нравственности православное юношество чрезъ посредство литературы того самого народа, который зналъ христіанъ только на аренахъ цирковъ, гдѣ онъ любовался, какъ ихъ терзали дикіе звѣри и какъ зажигали ихъ вмѣсто факеловъ,—предпріятіе со всѣхъ точекъ зрѣнія довольно наивное (Евг. Марковъ въ *Новомъ Врем.* № 8623).

Болѣе умѣренные защитники классицизма видятъ главное значеніе его въ томъ, что

основательное изученіе древнихъ языковъ и литературы справедливо почитается наилучшимъ средствомъ для формальнаго развитія умственныхъ способностей, для эстетическаго образованія и, наконецъ, для образованія самого характера (представленіе въ Госуд. Совѣтъ при проэктѣ устава 1871 г.).

Многіе антиклассики не отрицаютъ въ нѣкоторой степени возможности такого значенія классицизма: но почти всѣ они отрицаютъ наличность его. Средствомъ, хотя, конечно, далеко не наилучшимъ, къ умственному развитію и воспитанію характера изученіе древнихъ языковъ считается потому, что требуетъ отъ ученика усиленнаго напряженія памяти и мысли и постоянной самодѣятельности. Мнѣніе Госуд. Совѣт. по поводу устава 1864 г. говоритъ:

нигдѣ не развивается такъ самостоятельность ученика, какъ при изученіи древнихъ языковъ... онъ самъ долженъ перевести, причемъ самъ онъ рѣшаетъ, какъ и гдѣ онъ можетъ приложить заученное правило... Онъ самъ долженъ обратить вниманіе на всѣ формы словъ, на взаимное ихъ отношеніе и такимъ образомъ путемъ размышленія и анализа добратъсь до мысли.

Но всякій, знакомый съ дѣйствительною постановкою учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, горько улыбнется при чтеніи приведенныхъ словъ. Никто не станетъ теперъ отрицать, что

для громаднѣйшаго большинства это *самъ* есть мнѣнческое существо, и что это большинство находить въ изученіи древнихъ языковъ вѣрное средство къ подавленію самостоятельной мысли и даже къ отупѣнію. Сверхъ того, въ смыслѣ умственной гимнастики не меньшее, чѣмъ древніе языки, значеніе могутъ имѣть и новыя—нѣмецкій, французскій и англійскій, и если хотятъ болѣе трудныхъ, то китайскій и подобныя. Школа обязана дать мѣсто предпочтительно такимъ предметамъ, которые, содѣйствуя формальному развитію ученика, въ тоже время давали бы ему опредѣленное реальное содержаніе, будили въ немъ интересъ къ знанію и удовлетворяли бы его. Съ этой точки зрѣнія составъ учебныхъ предметовъ въ гимназіи въ высшій степени односторонень. Въ массѣ учебныхъ часовъ по предметамъ, служащимъ преимущественно гимнастикой для ума (по греч. и лат. яз., по матем., и отчасти по русск. яз.) совершенно теряются уроки по предметамъ съ реальнымъ содержаніемъ. Вотъ напр. росписание недѣльныхъ уроковъ въ 5-мъ классѣ гимназіи: нѣмецкій яз., греческій яз., математика, латинскій яз., гимнастика, французскій яз.; математика, латинскій яз., русскій яз., греческій яз., законъ Божій; латинскій яз., физика, русскій яз., греческій яз., гимнастика, исторія; математика, латинскій яз., греческій яз., исторія, нѣмецкій языкъ; французскій яз., математика, латинскій яз., греческій яз., гимнастика, русскій яз.; законъ Божій, греческій яз., нѣмецкій яз., гимнастика, физика. Такое же количественное отношеніе уроковъ по тѣмъ или другимъ предметамъ имѣетъ мѣсто и во всѣхъ остальныхъ классахъ. Много ли найдетъ здѣсь ученикъ положительной пищи для ума, въ смыслѣ опредѣленныхъ фактовъ и предметныхъ идей? Классическія гимназіи въ этомъ случаѣ стоятъ далеко позади даже духовныхъ семинарій, не смотря на ихъ спеціальный и профессиональный характеръ. Не говоря уже объ экзегесѣ Св. Писанія и нѣкоторыхъ другихъ богословскихъ наукахъ (церковная исторія, основное богословіе, литургика и гомелетика—въ нѣкоторыхъ частяхъ), проходимыхъ въ четырехлѣтній семинарскій курсъ, послѣдній весьма выгодно отличается отъ курса гимназическаго обиліемъ наукъ философскаго характера, во всѣхъ отношеніяхъ благодарныхъ въ цѣляхъ общаго образованія. Въ то время, какъ въ семи-

наріяхъ изучаются логика (2 урока), психологія (2 урока), философія и исторія философіи (3 урока), въ гимназіи лишь *одинъ* урокъ посвящается логикѣ, а психологін и философіи совсѣмъ не существуетъ! Недаромъ преподаватели гимназіи, прошедшіе курсъ духовной семинаріи (4 классовъ), удивляются малому развитію гимназистовъ, отсутствію въ нихъ самостоятельной и болѣе или менѣе глубокой мысли. Намъ пришлось слышать это весьма нерѣдко.

Что касается далѣе вліянія классицизма на эстетическое образованіе, то всѣмъ опять извѣстно, что красотаи древней поэзіи въ подлинникѣ не способны восхищаться не только ученики, но —увы!—большинство учителей гимназіи. Изъ факта, что классическое образованіе приноситъ пользу лишь незначительному меньшинству, антиклассики дѣлаютъ выводъ, что классическія школы и должны служить для этого меньшинства, въ качествѣ спеціальныхъ школъ, устрояемыхъ въ ограниченномъ количествѣ, или въ видѣ спеціальныхъ отдѣленій въ гимназіяхъ для желающихъ получить классическое образованіе. Къ такому или подобному выводу приходятъ въ настоящее время не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя педагогическія общества. Представленный въ Московское педагогическое общество докладъ комиссіи по вопросу о желательныхъ преобразованіяхъ средней школы между прочимъ гласитъ:

Классическая система потерпѣла полное и неслыханное еще въ исторіи русской школы крушеніе, удостовѣренное не только отзывами профессоровъ разныхъ университетовъ, но и самими директорами гимназій и учителями классическихъ языковъ. Теперь уже всѣ, и защитники, и противники, единодушно признаютъ, что классическія гимназіи не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и преподаваніе классическихъ языковъ не только не достигаетъ тѣхъ цѣлей, о которыхъ говоритъ уставъ 1871 г., но даже не даетъ и серіозныхъ знаній по грамматикѣ этихъ языковъ. Но за то сколькихъ жертвъ и напрасно потраченного труда стоилъ этотъ печальный опытъ, единственный въ исторіи русскаго просвѣщенія! И неужели мы рѣшимся его повторить?.. Комиссія считаетъ рискованнымъ возлагать какія нибудь надежды на предлагаемыя теперь вновь измѣненія и улучшенія въ системѣ съ цѣлью продолженія „опыта“ и вспоминаетъ объ энергической попыткѣ

спасти классическую школу путемъ измѣненія самыхъ пѣлей преподаванія древнихъ языковъ,—попыткѣ, сдѣланной учебными планами 1890 года, коими былъ уничтоженъ такъ называемый грамматическій классицизмъ, и на первый планъ было выдвинуто чтеніе авторовъ... Однако результаты не улучшились, а по мнѣнію нѣкоторыхъ еще и ухудшились. (Пет. Вѣд. № 36).

Выводъ, къ которому пришла комиссія, былъ тотъ, что гимназія у насъ въ Россіи не можетъ быть государственной школой.

Государству нужно большое количество дѣятелей, получившихъ серьезное общее образованіе, а классическая школа можетъ дать только отдѣльныя единицы.

Мы сомнѣваемся, чтобы къ столь рѣшительному выводу могла придти и петербургская комиссія, работающая теперь подъ руководствомъ министра Н. Пр. На радикальнымъ реформы всегда легче рѣшиться пишущему и разсуждающему, чѣмъ дѣлающему. Да и примѣръ Европы съ ея симпатіями къ классицизму, имѣющими впрочемъ особое основаніе (сродство новыхъ европейскихъ языковъ съ латинскимъ), вѣроятно еще долгое время будетъ удерживать насъ отъ рѣшительнаго шага въ этомъ вопросѣ.

Еслибы насъ спросили,—можетъ ли предстоящая реформа средней школы министерства Н. Пр. имѣть важное значеніе для постановки изученія древнихъ языковъ въ дух. учебныхъ заведеніяхъ, то мы отвѣтили бы почти отрицательно. Положеніе древнихъ языковъ въ нашихъ духовныхъ школахъ отлично отъ того, какое занимаютъ они въ гимназіяхъ. Во 1-хъ количество спеціальныхъ и общеобразовательныхъ предметовъ въ нашихъ семинаріяхъ, какъ мы уже видѣли, больше, чѣмъ въ гимназіяхъ, и потому древнимъ языкамъ тамъ естественно удѣляется менѣ вниманія и времени. Гимназическимъ 42 урокамъ по лат. языку и 33 урокамъ по греч. яз. въ училищѣ и семинаріи (въ 4 классахъ) соотвѣтствуютъ 28 уроковъ по лат. яз. и 28 уроковъ по греч. яз. Съ другой стороны древніе языки болѣе необходимы въ семинаріяхъ, чѣмъ въ гимназіяхъ, такъ какъ безъ нихъ безусловно невозможно полученіе высшаго богословскаго образованія и не можетъ быть вполнѣ основательнымъ изученіе богословскихъ предметовъ семинарскаго курса.

Что касается другаго поставленнаго министромъ вопроса о физическомъ воспитаніи учащихся, то общественное мнѣніе, въ которомъ наиболѣе значительную часть составляетъ мнѣніе родителей учащихся, давно уже признало его неудовлетворительнымъ. Теперь же къ нему присоединились врачи и большинство педагоговъ. На послѣднемъ, 71-мъ съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей и врачей (въ сентябрѣ 1899 г.) была признана наличность переутомленія учащихся и необходимость ограниченія и упрощенія учебнаго матеріала и устраненія послѣобѣденныхъ классныхъ занятій (Русская Школа 1900, Янв., стр. 131). Количество же рабочихъ часовъ, считая и домашнія занятія,—у русскихъ гимназистовъ не меньше, чѣмъ у нѣмецкихъ. По мнѣнію наиболѣе компетентнаго въ настоящее время по вопросамъ школьной гигиены Акселя Кея, нормальное количество рабочихъ часовъ для учениковъ, включая и гимнастику, должно быть въ зависимости отъ возраста, отъ 6 до 9 часовъ въ день. Количество же часовъ напряженной умственной дѣятельности должно быть менѣе. Шмидъ-Моннаръ считаетъ средней нормой производительной ученической работы 4 часа въ день, а авторъ статьи, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія (Русская Школа 1900, янв.) считаетъ нормой 37½ часовъ напряженной умственной работы въ недѣлю. Отсюда такой распорядокъ дня, въ которомъ 8 учебныхъ часовъ (5 утреннихъ и 3 вечернихъ) посвящаются предметамъ, требующимъ значительнаго умственнаго напряженія,—слѣдуетъ считать ненормальнымъ. Сверхъ того не слѣдуетъ забывать, что болѣе прилежная половина учениковъ, о которыхъ преимущественно и приходится заботиться, увеличиваетъ официально установленное количество учебныхъ часовъ, посвящая занятіямъ время, назначенное для отдыха, между уроками, послѣ обѣда и ужина, что уже совершенно не должно быть терпимо. Готовность министра Н. Пр. въ случаѣ нужды сократить учебныя программы и количество учебныхъ часовъ въ недѣлю нельзя не признать совершенно рациональною въ виду того, что опущеніе нѣкоторыхъ подробностей изъ существующихъ теперь программъ не нанесетъ никакого существеннаго ущерба развитію ученика. Судя по настроенію печати и общества, надо полагать, что съѣздъ педагоговъ воспользуется этою готовностью министра.

Результатъ, къ которому придетъ по этому вопросу съѣздъ, можетъ имѣть значеніе и для нашихъ духовныхъ семинарій и училищъ, такъ какъ количество рабочихъ часовъ въ нихъ не менѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ. Оставляя въ сторонѣ гигиеническую сторону вопроса, мы должны указать здѣсь на два весьма существенныхъ недостатка въ нашихъ семинаріяхъ, объясненія которыхъ слѣдуетъ искать въ чрезмѣрной обширности семинарскихъ программъ и учебниковъ. Это во-первыхъ постепенно увеличивающееся пренебреженіе семинаристовъ къ письменнымъ работамъ и во-вторыхъ малая распространенность чтенія серьезныхъ книгъ общеобразовательнаго характера. Теперь въ большинствѣ семинарій не только ученики, но и учителя вполнѣ удовлетворяются переложеніями той или другой книжки. Примѣчаніе 3-е къ § 126 Устава дух. семин. о томъ, чтобы сочиненіе ученика было плодомъ самостоятельной работы, а не компиляціею изъ разныхъ книгъ, остается невыполняемымъ и едвали выполнимымъ вслѣдствіе недостатка времени для домашнихъ ученическихъ работъ. Мы знаемъ, что въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда ученикъ, заинтересованный извѣстной темой, работаетъ самостоятельно, онъ пишетъ сочиненіе обыкновенно въ незанятные часы, послѣ обѣда или ужина. Но это наши личныя наблюденія. Въ интересахъ дѣла было бы весьма любопытно знать мнѣніе преподавателей семинарій по вопросу, имѣетъ ли возможность воспитанникъ семинаріи, не выходя изъ предѣловъ официально установленныхъ учебныхъ часовъ, удѣлять отъ одного до трехъ часовъ въ день на письменныя работы и чтеніе книгъ ¹⁾.

Послѣдній вопросъ министерскаго циркуляра касается нравственнаго воспитанія учащихся. Справедливость требуетъ сказать, что общество и даже печать, жалуясь на недостатки школьнаго воспитанія, склонны преувеличивать воспитывающее значеніе школы. И общество, и печать тре-

¹⁾ Редакція Б. В. сочла бы себя весьма обязанной тѣмъ преподавателямъ семинарій, которые нашли бы возможнымъ подѣлиться съ ней своими наблюденіями по затронутому сейчасъ вопросу объ ослабленіи среди семинаристовъ интереса къ чтенію серьезныхъ книгъ и упадкѣ сочиненій. Вопросъ этотъ очень важный: съ нимъ приходится считаться не въ семинаріяхъ только, но и въ академіяхъ. Поэтому, всякое сообщеніе, клонящееся къ разъясненію его, было бы крайне желательно.—*Ред.*

буютъ, чтобы изъ школы выходили юноши благовоспитанные, скромные, трудолюбивые, честные, съ идеальными потребностями и возрѣніями, забывая, что въ школу въ видѣ 10—12-лѣтняго мальчика поступаетъ не *tabula rasa*, а наполовину уже сформировавшаяся личность съ извѣстными склонностями, взглядами и привычками, да и по вступленіи въ школу не перестаетъ быть подъ вліяніемъ прежнихъ условій домашней жизни. Требуя отъ преподавателя и воспитателя, чтобы онъ не угрозами и наказаніями, а своею нравственною личностью и собственнымъ живымъ примѣромъ воздѣйствовалъ на учащихся, общество и печать, другими словами сами родители, должны адресовать свои требованія прежде всего къ себѣ самимъ.

За всѣмъ тѣмъ жалобы общества и печати на механизацию педагогическаго дѣла, на канцелярски-чиновничье отношеніе педагоговъ къ своимъ обязанностямъ, отсутствіе живой, сердечной любви къ дѣлу—„живой души“ въ школѣ, во многомъ справедливы. Замѣчательнъ въ этомъ отношеніи констатируемый извѣстными публицистами и педагогами фактъ, что не смотря на осмѣянные уже въ литературѣ недостатки школьнаго воспитанія дотолстовскаго режима, прежнее поколѣніе сохраняло о своихъ учителяхъ лучшее воспоминаніе, чѣмъ новое. Вотъ что пишетъ извѣстный публицистъ Old Gentelman (Амфитеатровъ):

Странная вещь! непонятная вещь! Школа отцовъ и дѣдовъ была груба; ихъ драли; учителя говорили имъ „ты“, среди учителей попадались люди грязные, пошлые, неучи, даже, прямо сказать, изверги; однако рѣдкій, очень рѣдкій изъ отцовъ и дѣдовъ не сохранилъ памяти о своемъ ученическомъ періодѣ, какъ объ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ полосъ въ жизни, хотя и испещренной чернильными пятнами. Мы, воспитанники толстовскаго режима, такой памяти не унесли, да и не могли унести. Насъ не истязали физически, однако и не ласкали; съ нами были вѣжливы, но суровы къ нашему пониманію и поведенію и безразличны къ нашему духовному міру; между каедрою и партю стояла непроходимая пропасть: съ одной стороны формальный учитель, съ другой—формальный ученикъ; ему не было никакого дѣла до насъ... намъ — до него... Мы положительно не знали, что за люди насъ учатъ (Нов Вр. № 7987).

Тоже самое совершенно независимо констатируетъ Евг. Марковъ (Вѣстникъ Европы, 1900, февр: ст. „Живая душа“ въ школѣ). Характеризующая современнаго педагога педантичность, сухость, постоянное скриваніе своей личности, своихъ чувствъ и убѣжденій за разъ навсегда выработанными формами обращенія съ учениками, дѣлая тяжелымъ дѣло обученія какъ для учителя, такъ и для ученика, въ тоже время лишаетъ перваго возможности нравственно вліять на послѣдняго. Общество и печать почти исключительно винятъ за это самихъ педагоговъ. Но историкъ не броситъ въ нихъ камня. Современный типъ педагога, этого—по выраженію Чехова—*человѣка въ футлярѣ* (Русская Мысль 1898, 7) съ его всегдашнимъ: *такъ-то, такъ, это прекрасно, да какъ бы чего не вышло*, такой типъ педагога созданъ исторически подъ вліяніемъ вызванныхъ 60-ми годами крайностей охранительнаго режима, въ лицѣ черезчуръ мнительныхъ, подозрительныхъ и недовѣрчивыхъ представителей его. Этотъ типъ поддерживается и до сихъ поръ системою недовѣрія, характеризующею отношенія учителя къ ученику, ученика къ учителю, директора къ учителю и округа къ директору. „Живая душа“ учителя скажется только тогда, когда возвратятъ ему довѣріе, предоставятъ ему извѣстную область свободы и сдѣлаютъ его отвѣтственнымъ не столько предъ единичною властью, сколько передъ цѣлымъ педагогическимъ совѣтомъ.

Если сказанное перевести, такъ сказать, на языкъ духовныхъ семинарій, то это будетъ имѣть нѣсколько иной видъ. Прежде всего преподаватель семинаріи въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, по крайней мѣрѣ фактически, представляетъ собою нѣсколько болѣе значительную величину, чѣмъ, преподаватель гимназіи. Онъ болѣе безнаказанно, чѣмъ послѣдній, можетъ проявить свою самостоятельность въ выборѣ учебнаго матеріала и метода преподаванія и менѣе обнаруживаетъ педантичности и формализма. Въ этомъ его несомнѣнное преимущество надъ преподавателемъ гимназіи. Но преимущество это остается въ силѣ лишь тогда, когда учитель семинаріи стоитъ на кафедрѣ. Въ же класса у него гораздо менѣе правъ и обязанностей, чѣмъ у преподавателя гимназіи. Въ то время, какъ послѣдніе по уставу суть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитатели, получающіе соответствующія пол-

номочія и права, преподаватель семинаріи обязанъ наблюдать за порядкомъ и тишиной лишь въ классѣ (§ 62 устава) и при всякомъ удобномъ случаѣ внушать учащимся любовь къ священно-дѣйствіямъ и уставамъ православной церкви, собственнымъ примѣромъ располагая воспитанниковъ къ нелицемерному посѣщенію богослуженія (Цирк. ук. Св. Синода отъ 30 Ноября 1883 г. № 8). Этимъ и ограничивается воспитывающее вліяніе преподавателя семинаріи по уставу. Почти все дѣло воспитанія поручено въ ней инспекціи и Правленію, въ которое изъ преподавателей избираются лишь три члена. Всѣ остальные преподаватели только въ рѣдкихъ случаяхъ по усмотрѣнію ректора приглашаются на общія педагогическія собранія и то лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса. Ненормальность этого порядка не разъ была указываема въ періодической печати. По мнѣнію одного преподавателя семинаріи, автора статьи *о положеніи учителей духовныхъ семинарій и училищъ* (Р. Школа 1900, Янв.), такой порядокъ создаетъ на практикѣ слѣдующія странности, дурно отражающіяся на воспитательномъ дѣлѣ. Во-первыхъ въ члены Правленія не всегда выбираются старшіе преподаватели. Во-вторыхъ, членами Правленія нерѣдко назначаются или учителя, занимающіеся только въ низшихъ классахъ, или преподаватели только высшихъ классовъ, первые мало знаютъ учениковъ старшихъ классовъ, вторые — учениковъ младшихъ классовъ. Въ-третьихъ при теперешнемъ порядкѣ вполне возможны такіе случаи: на общемъ педагогическомъ совѣтѣ всѣ преподаватели, не состоящіе членами Правленія, и, положимъ, три члена Правленія пришли къ какому либо рѣшенію: остальные же четыре члена не согласны съ ними. Такъ какъ, по уставу, всѣ дѣла Правленія рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ членовъ его, то четыре голоса, въ числѣ которыхъ могутъ оказаться и два голоса членовъ Правленія отъ духовенства, рѣшаютъ дѣло, хотя бы съ ними не были согласны три остальныхъ члена Правленія и всѣ прочіе преподаватели. Наконецъ и самое раздѣленіе преподавателей на лицъ, имѣющихъ право рѣшать судьбу ученика, и на лицъ, пользующихся какимъ то совѣщательнымъ голосомъ, который рѣдко выслушивается и еще рѣже принимается къ свѣдѣнію, должно конечно колебать въ глазахъ учениковъ авторитетъ большинства преподавателей.

Мысль автора мы считаемъ справедливой. Мы не сторонники авторитета легальнаго въ дѣлѣ воспитанія—авторитета, дѣйствующаго правомъ казнить и миловать. Не затѣмъ конечно преподаватели дух. училищъ и семинарій должны быть членами Правленія, чтобы получить право наказывать и тѣмъ возбуждать страхъ въ ученикахъ—это плохое вліяніе,—но затѣмъ, чтобы внести свои наблюденія, соображенія и свой опытъ въ тотъ воспитывающій рычагъ, которымъ служитъ Правленіе семинарій и училища. Теперь Правленіе и каждый преподаватель, не засѣдающій въ немъ, наблюдаютъ надъ учениками, изучаютъ ихъ и такъ или иначе воздействуютъ на нихъ, независимо другъ отъ друга. Преподаватель за самыми рѣдкими исключеніями не рѣшится подѣлиться своимъ опытомъ съ Правленіемъ: его сообщенія безъ соотвѣтствующаго права голоса кажутся ему своего рода фискальствомъ. Считать же себя всесторонне освѣдомленнымъ и вполне компетентнымъ въ рѣшеніи педагогическихъ вопросовъ Правленіе дух. училищъ и семинарій въ теперешнемъ своемъ объемѣ и составѣ безусловно не можетъ.

В. Мышцынъ.
